

**НАСТОЯЩИЙ
СОВЕТСКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

КОЧЕВАЯ КРОВЬ

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Сорокин, Геннадий Геннадьевич.

С65 Кочевая кровь / Геннадий Сорокин. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Настоящий советский детектив).

ISBN 978-5-04-168987-2

Все началось с того, что за городом расположился цыганский табор. Сначала от любви к цыганке потерял голову один из сотрудников местного райотдела милиции. Потом при странных обстоятельствах погиб цыганский барон. А уж после того, как в лесу нашли милиционера с проломленной головой и без табельного оружия, в городском УВД забили тревогу. Следователь Андрей Лаптев понимает, что они имеют дело не с обычной бандой, а с племенем, владеющим древней магией, а потому стандартные методы работы на этот раз не годятся...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сорокин Г.Г., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168987-2

Глава 1

ТРУП НА СВАЛКЕ

— Да что ты понимаешь в любви! — Валерий Петрович, когда горячился, начинал помогать себе руками: пальцами показывал крохотные размеры, рукой указывал направления, кому куда идти, мог показать собеседнику фигу, что означало «ни за что!».

Сегодня Валерий Петрович был особенно эмоционален. Любовь он изобразил как невидимый хрустальный шар, который держал перед собой на ладони.

«Высоцкий в образе Гамлета так же держит череп какого-то Йорика, — подумал я. — Наверняка Десницкий видел эту фотографию, вот и подражает Высоцкому-Гамлету».

— Слушайте рассказ о настоящей любви! — продолжал Валерий Петрович. — Я эту любовь видел и с расстояния, и в упор. Я в крови был весь за-за этой любви!

— Ближе к теме, — предложил Гриша Першин, начальник следственного отделения нашего РОВД.

— Все, оставлю лирику, только суть! — согласился Валерий Петрович. — События происходят десять

лет назад, в 1976 году. Я тогда только начал работать в милиции, но это не важно. Жил я на улице Гоголя в пятиэтажном доме. В соседнем подъезде жила семья Замараевых — дядя Миша и тетя Зоя. Я знал их с детства, а как не знать, они в соседнем подъезде жили, считай что родня. В семидесятые годы люди были дружнее, не то что сейчас. Так вот, сколько я знал эту тетю Зою, она всегда была в одном возрасте — древняя старуха, а муж ее был обычный мужик — он старился постепенно. Так вот, этот дядя Миша отличался от всех на свете — он, никого не стесняясь, мог сказать: «Я люблю свою жену!» У нас же как предписано: любишь не любишь, а на публику свои чувства не выноси. А он плевал на все и мог свою старушку на улице обнять и в щеку чмокнуть. Любил он ее! Но она померла. Дяде Мише тогда было лет 65, не больше, а старуха была его на восемь лет старше. Он ее на фронте встретил и там с ней сошелся, вернулся домой, с женой развелся и стал жить с этой тетей Зоей. После ее смерти осунулся, как лунатик стал: идет по двору и ничего не видит. Я не знаю, как бы он ее хоронил, но тут съехалась вся родня, дети взяли организацию похорон в свои руки, и все пошло чин-чинарем: гроб, саван, венчик на лоб, ночное бдение. В тот день, когда покойницу привезли в квартиру и выставили тело для прощания, я заходил к ним. Дядя Миша на кухне мужикам говорит: «Я без нее жить не хочу и не буду!» Они ему: «Да ладно, Миша, сейчас с похоронами управимся, там время пройдет, и жизнь наладится. Ты еще не старый, в твои годы не поздно все заново начинать».

Дядя Миша ничего не стал отвечать, выпил стакан водки, взял табуретку, сел у гроба, положил голову жене на грудь и замер. Я утром прихожу, он в той же позе сидит, за ночь не пошевелился. У меня мысль мелькнула: «Не помер ли?» Нет, смотрю, спина шевелится, значит, дышит. Наступает полдень. К дяде Мише подходит сосед, трогает за плечо: «Миша, пора к выносу готовиться». Он встrepенулся, голову поднял и говорит: «Все собрались? Ну, давайте, ребята, а мне к Зое пора!» Пока до нас смысл сказанного дошел, он достает из внутреннего кармана пиджака пистолет, упирает дуло в подбородок и жмет на курок. Бац! — и мозги по всей квартире. Нехорошо, конечно, получилось: все, кто рядом стоял — в крови, бабы визжат, суматоха, гроб с покойницей перевернули, сын с табуретки упал и руку сломал. Зато все поняли, как он ее любил! Сказал: «Жить без Зои не хочу!» — и не стал.

— Пародия какая-то, а не любовь! — возразил я. — Какая-то история для девочек-подростков: «Я любила этого мальчика, а он меня нет; наглотаюсь таблеток и умру, пускай ему стыдно будет!»

— Где он ствол взял? — спросил практичный Першин.

— С войны привез. — После театрализованного выступления у Валерия Петровича наступила фаза успокоения. Он вернулся за свой стол, закурил. До окончания первомайского бдения оставался еще час.

— Я как-то думал над ситуацией, когда один из супругов умирает в расцвете лет, — начал я, но Валерий Петрович перебил:

— Андрей, чего там ты думал! Ты бы женился вначале, а потом о семейной жизни рассуждал!

— Если на то пошло, — жестко возразил я, — то я как бы дважды был женат, только до ЗАГСа все дойти никак не удавалось. Но не в этом суть. Штамп в паспорте ума не прибавляет. Кольцо на пальце — не залог вечной любви. Все мы смертны, и все можем покинуть этот мир до наступления глубокой старости. Так вот, я прикидывал, что скажу своей любимой жене в минуту расставания. Моя последняя воля будет выглядеть так: «Как только меня закопают на кладбище, так отбрось все условности и живи, наслаждайся жизнью! Никакого траура, никаких черных одежд и свечек в церкви. Если встретишь хорошего мужчину — выходи за него замуж, не раздумывая. Моя душа в путешествии к звездам будет радоваться твоему счастью, а уныние и вдовство — это удел религиозных фанатичек. Человек создан для счастья, все остальное — ханжество!» Вот так! И это есть любовь! Настоящая любовь — это не мозгами на соседей брызгать, а желать счастья любимому человеку с тобой и без тебя. И никто на свете не переубедит меня!

— Как-то я уже слышал подобное, — вступил в разговор Александр Сергеевич Васильев, начальник уголовного розыска и мой непосредственный шеф. — Иду по улице, впереди меня мужчина и женщина. Он что-то рассказывает ей, и до меня доносится одна фраза: «Запомни, в мои жизненные планы не входит присутствовать на твоих похоронах». Красиво, лаконично.

— Да это цинизм какой-то — рассуждать, кто раньше умрет! — Валерий Петрович передохнул, набрался сил для нового диспута.

— А на похоронах стреляться — не цинизм? — буром попер я. — Мог бы на кладбище встать у ее могилы и тогда на курок нажать.

— Не, Андрей, ты ерунду говоришь! — не согласился Першин. — На могиле стреляться — еще больше мороки. Сам представь, тело самоубийцы упадет в могилу. Его по-любому доставать придется — на экспертизу везти. В квартире хоть... Ай, нет! И то, и то, по большому счету, — скотство, неуважение к людям. Почему бы этому дяде Мише после похорон не застрелиться? Пришел бы один на ее могилку, посидел, вспомнил былое — и жми на курок!

— Бред собачий! — возмутился Васильев. — Если он один застрелится, то неизвестно, кому пистолет достанется. Нынче на кладбищах полно темных личностей ошивается, найдут ствол и бандитам за копейки продадут.

— А какой пистолет у него был? — спросил я.

— Браунинг. Маленький такой, в ладошку помещается. Одну пулю он израсходовал, а еще две в магазине остались.

На столе у Валерия Петровича зазвонил телефон. Мы переглянулись: поздний звонок ничего хорошего не предвещал.

— Начальник отдела охраны общественного порядка Десницкий, — представился Валерий Петрович. — Чего там? А кто проверял? И что, есть следы

насильственной смерти? Я понял тебя, сейчас решим, кому выезжать.

Десницкий вернул трубку на место.

— На свалке обнаружили труп, следов насильственной смерти нет, но постовые, которые осматривали тело, требуют приезда начальства. Что-то с этим покойником не то. Кто поедет?

Васильев, не задумываясь, указал на меня.

— Андрей Николаевич съездит. Его дома семью по лавкам не ждут. К тому же свалка — это его участок.

— Чертовщина какая-то! — пробормотал я. — Как Первое мая, так мне убийство достается: то одноклассницу застрелили, то в прошлом году сосед по общежитию жену зарезал. Сколько сейчас времени? Половина восьмого? С этим трупом придется до темноты возиться, там же свалка, там ночью можно ноги переломать. Кто его нашел, кому в праздник дома не сидится?

— Давай, Андрей, собирайся, на месте все узнаешь. Если что-то серьезное, сообщи в райотдел — все по свалке ползать будем.

На место происшествия мы выехали на дежурном «уазике». Я, как представитель руководства райотдела, занял переднее место, эксперт-криминалист и два оперативника уселись сзади. За рулем был Сергей Смакотин по кличке Доктор. Свое прозвище он получил за тягу к знаниям — после службы в армии дважды пытался поступить в мединститут и всякий раз не мог написать сочинение хотя бы на «тройку». «Ничего не понимаю! — возмущался

Смакотин. — Зачем врачу разбираться в литературе? С больными о творчестве Пушкина толковать?» В этом году Серега собрался штурмовать мединститут в третий раз. Представляю, как это будет выглядеть: заходит Смакотин в экзаменационную аудиторию. Навстречу ему выбегает председатель приемной комиссии: «Здравствуйте, уважаемый! Надеюсь, за прошедший год вы осилили роман Горького «Мать»? Нет?! А чем вы занимались, изучали правописание «жи-ши»?» Я как-то спросил у Смакотина: «Серега, а чего ты рвешься в мед? Шел бы в технический вуз, ты же водитель, для тебя любой двигатель как открытая книга». Доктор в ответ обиженно надул щеки: «Мечтаю человеком быть, а не в мазуте ковыряться».

На выезде из РОВД, на всю торцевую сторону пятиэтажного дома, недавно повесили огромный плакат с изображением прилизанного рабочего. «Социализм — это трезвость!» — утверждал плакат.

— Помнится, когда я еще в школу ходил, — сказал Доктор, выворачивая на проспект, — висел здесь плакат с Брежневым. Он призывал за мир бороться, а сейчас наляпали какого-то ублюдка, сам не пьет и нам не советует. «Трезвость — норма жизни!» Когда пьяные матросы революцию делали, про трезвость, поди, никто не вспоминал!

«Вот оно, одно из последствий перестройки! — подумал я. — Раньше Доктор не рискнул бы публично героев революции оплевывать, а теперь — пожалуйста! Плюрализм, свобода мнений! Демократия и гласность. Надолго ли, спрашивается?»

Лично я старался избегать диспутов на политические темы. Гласность, какая бы она ни была, все равно имеет свои пределы. Ляпнешь в приливе откровения свое мнение о политике партии — враз карьеру на корню загубишь. Партия, она такая — кому-то болтать разрешает, а за кем-то бдительно присматривает.

— Андрей Николаевич, — по годам Смакотин был мне ровесник, но служебный этикет предписывал обращаться к офицеру по имени-отчеству, — ты не слышал, говорят, на Украине атомный реактор взорвался?

— В первый раз слышу. Ты откуда такую новость узнал?

— По «Голосу Америки» передавали. Врут, поди. Буржуи всегда врут. Помнится, как-то раз они сообщили, что Брежнев помер. Все плевались, говорили: «Ложь! Провокация!», а на другой день оказалось, что скопытился «дорогой Леонид Ильич».

— У тебя хорошо «Голос Америки» ловит? — спросил с заднего сиденья эксперт.

— Да так себе, потрескивает. Все хочу антенну на крышу вывести, может быть, тогда помех меньше будет.

«Еще пару лет назад только безумец мог признать, что он слушает радиостанции, финансируемые ЦРУ. Сейчас ничего, можно на эту тему поговорить. А про взрыв атомной электростанции я еще ничего не слышал. Наверное, точно где-то бабахнуло, если официальные власти молчат».

На красный сигнал светофора мы остановились. У перекрестка — два агитационных стенда. На левом: «Решения XXVII съезда КПСС — в жизнь!» На правом — уже знакомый нам рабочий, но в компании с женщиной и интеллигентом в очках. «Трудящиеся Кировского района голосуют за трезвость!» — провозглашает троица.

— Кто эти трудящиеся, которые постоянно за что-то голосуют? — спросил Доктор, показывая рукой на плакат. — Сколько себя помню, всегда какие-то «трудящиеся» выступают с инициативами, от которых хоть стой, хоть падай! Почему меня никто голосовать за трезвость не зовет, все за моей спиной решают?

— Хватит стоять, поехали! — я щелкнул тумблером, на крыше завыла сирена, замелькали проблемные маячки.

— Как скажешь, Андрей Николаевич! — Доктор переключил скорость, автомобиль, взвизгнув шинами, рванул по проспекту.

— «А город подумал, ученья идут!» — сострил эксперт. — Менты на срочный вызов помчались.

Попетляв по лабиринту улиц, мы выехали на трассу, ведущую в районный центр Мокроусово. Пять километров по асфальту — и вот он, съезд на городской полигон по захоронению и обработке твердых бытовых отходов, в просторечье именуемый свалкой.

Дорогу на полигон преграждал шлагбаум. Вывеска у сторожевой будки извещала: «Въезд без та-

лонов строго запрещен!» На табличке поменьше — объявление: «С 1 по 4 мая полигон не работает».

Рядом с въездом на свалку стоял патрульный «уазик» из нашего райотдела. Завидев нас, из него вышел милиционер, открыл шлагбаум, жестом предложил следовать за ним. На двух автомобилях мы заехали в глубь полигона. Из патрульной машины вышел водитель.

— Дальше дороги нет, — сказал он. — Пешком пройдете по тропинке до начала горы и увидите, там наши стоят, труп охраняют. Я назад вернусь, буду судебного медика с прокурором ждать.

Обходя кучи строительного мусора, мы дошли до подножия искусственной горы.

— Привет! — я поздоровался со старшим патруля, подошел к трупу. — Чего всполошились, на нем вроде бы крови нет. Лицо чистое, без синяков.

— Ты присмотрись, Андрей Николаевич, ничего странного не находишь?

Я присел у трупа. Покойному на вид было лет двадцать. Бледное лицо, аккуратная модельная стрижка. Одет паренек был — дай бог каждому! Венгерская куртка-ветровка, под ней вельветовая рубашка фирмы «Ли», на ногах кроссовки. Упитанные ягодицы обтягивали фирменные джинсы с тройной строчкой по бокам.

— Полет мысли понял. — Я встал, потряс успешными затечь ногами. — Такому франту совершенно нечего делать на городской свалке. Кто его обнаружил?

— Никто, — старший патруля сплюнул, достал папироску, дунул в гильзу, закурил. — Сигнал об обнаружении трупа прошел по «02». Анонимный звонок.

— Сторож ничего не видел? — кивнул я в сторону въезда на полигон.

— Сторож спит пьяный. Я пытался его растормошить — бесполезно.

— Свидетелей нет?

— Какие свидетели, Андрей Николаевич! Первое мая — все советские люди давно уже водку пьют и холодцом закусывают. Одни мы здесь, до утра ни одна живая душа из своей норы не выползет.

Приехавший в сумерках судебно-медицинский эксперт поворожал труп, пощупал ребра, проверил целостность конечностей.

— Я не берусь сказать, от чего он умер, — медик встал, аккуратно снял резиновые перчатки.

— Зачем вы меня вызвали? — стал возмущаться следователь прокуратуры. — Что, протокол осмотра сами составить не в состоянии? Обычный «мирный» труп, а вы шум подняли, меня с праздника сдернули.

— Спору нет, труп «мирный», — сказал я. — Только как он сюда попал?

— Сам пришел, ногами, — насупился следователь.

— Да, да, сам! Прямо с демонстрации на свалку завернул, больше же некуда! Ты посмотри, как он одет! На нем джинсы «Леви Страусс», они на базаре двести пятьдесят рубликов стоят. Ты в таких джин-

сах пойдешь по свалке гулять? То-то! Его мертвого сюда привезли и на руках до склона горы дотащили.

— Не горячись, Андрей! — примирительно сказал медик. — До вскрытия он все равно будет «мирным» трупом. Давайте побыстрее с ним закончим, и по домам!

— Я поехал! — следователь развернулся и пошел к сторожке.

— Осмотр писать не будешь? — крикнул я ему вдогонку.

— В прокуратуре напишу!

— Грузите тело! — скомандовал медик санитарам. — Поехали, Андрей, заедем в морг, я тебе соточку чистейшего спирта-ректификата налью! Выпьешь — соколом проскользнет! Праздник же, поехали!

Я подумал и отказался. Посиделки в морге могли затянуться до полуночи, а то и дольше. На чем мне потом до дому добираться? Пешком, через весь город, как-то неохота, такси ночью не ходят. Частник не рискнет подвозить одинокого мужчину.

Проводив медиков, я позвал оперативников на гору. В сгустившихся сумерках на окраине полигона стал виден отвал — котлован, в котором под рыхлым слоем пепла мерцали раскаленные уголья — метра три медленно прогорающего мусора.

— Вот так выглядит ад на земле, — сказал я оперативникам. — Если бы кто-то хотел уничтожить труп, то лучшего места просто не придумать. Любой предмет, брошенный в отвал, погружается в огненную лаву и в считанные секунды либо сгорит, либо рас-

плавится. Мертвеца до отвала не донесли, а демонстративно оставили на видном месте. Сдается, неспроста его нам подбросили.

Домой я вернулся ближе к полуночи. В крохотной двенадцатиметровой комнате в общежитии меня никто не ждал. Наскоро поужинав магазинными пельменями, я лег спать.

Глава 2

НИ ТАМ, НИ ТУТ

В ноябре 1983 года я восстанавливался в больнице после ранения¹. Свободного времени в стационаре — хоть отбавляй, а заняться нечем. Лежа на скрипучей казенной койке, я часами разглядывал потолок. Блуждая взглядом по неровностям побелки, я мысленно то погружался в прошлое, то пытался спрогнозировать будущее. Мне было уже двадцать три года — самое время подвести предварительные итоги и решить: как жить дальше?

«Как жить дальше?» Этот философский вопрос можно разделить на две составляющие: придерживаться ли прежних мировоззрений и, самое главное, с кем жить? С кем, черт возьми, связать свою судьбу: с Мариной или с Наташкой? Какую из сестер выбрать: старшую или младшую?

¹ Подробнее о захвате в заложники Натальи Антоновой, ее освобождении и обстоятельствах ранения Андрея Лаптева в книге «Лагерь обреченных».

Мои нравственные принципы незыблемы — я как был врагом условностей, так и останусь им, а вот с сестрами полная ерунда, ничего не понять. Проклятый учитель Седов спутал все карты и откинул меня на обочину жизни, в больницу, а любая больница — это своего рода жизненный изолятор, в котором ты находишься в подвешенном состоянии: ни там, ни тут; ни на работе, ни в отпуске; ни холостой, ни женатый. В больнице ты как огурец в консервной банке — плаваешь в мутном лекарственном растворе и ждешь своего дальнейшего применения: или на праздничный стол в качестве основной закуски, или в мусорное ведро, к отбросам.

Итак, сестер две. К обеим я в женихи не набивался, но свою дальнейшую судьбу планирую связать с одной из них, а вот с какой именно — пока непонятно.

Как будущая жена, меня вполне устраивала Марина — симпатичная рыжеволосая девушка без патриархальных предрассудков и условностей. В кровати Марина была неистощима на фантазии, каждая ночь с ней была по-своему яркой и запоминающейся. На генетическом уровне в Марину была заложена снисходительность к традиционным мужским слабостям: выпивке с друзьями, флирту на стороне, охоте, рыбалке, футболу. Она считала, что если муж заявился домой под утро, пьяный, со следами чужой губной помады на одежде, то это не вселенская катастрофа, а всего лишь повод для бурного выяснения отношений, после которого супруг на пару месяцев

присмирееет и станет вести себя как самый образцовый семьянин. О такой жене, как Марина, мечтали все холостяки в Верх-Иланске.

Ах, Верх-Иланск, окраина земли! За все время ссылки в нем я не встретил ни одного мужика, который бы сказал: «Я женился по любви». Все женились на «порядочных хозяйственных девушках», будущих матерях своих детей. Для счастливой жизни в поселке любовь была необязательна. Гораздо большее значение имело умение невесты содержать огород в чистоте и порядке. Любовь, она ведь со стороны забора не видна, а так каждый прохожий полюбуется аккуратно прополотыми грядками и скажет: «Повезло ему с женой, ни одной травинки в огороде нет!» Марина, я в этом уверен, вылизала бы нашу усадьбу до блеска, да вот только жить в поселке она категорически не хотела, а у меня не было никаких возможностей вернуться в город.

Город, мой любимый город, крупный областной центр, где я познакомился с Мариной.

Осенью 1982 года я поселился в рабочем общежитии первого хлебокомбината. В этой же общаге жила Антонова Марина. До самого лета 1983 года между мной и Антоновой никаких отношений не было, мы даже здоровались друг с другом через раз. Был ли в то время у Марины парень, я не помню, а вот у меня была вполне официальная невеста — Калмыкова Лариса. С Ларисой жизнь не сложилась, и уже в начале весны я оказался свободным мужчиной. В конце мая по ложному доносу меня обвинили в применении незаконных методов расследования, хотели

уволить из милиции, но в последний момент передумали и ограничились сравнительно легким наказанием — переводом на новое место службы в сельскую местность в поселок Верх-Иланск. В ожидании переезда я сблизился с Мариной, которая оказалась уроженкой Верх-Иланска. Тот период наших отношений я бы назвал «пристрелочным». Неделю или полторы до моего отъезда мы присматривались друг к другу, пытались понять, имеют наши отношения дальнейшую перспективу или нет. Марина решила, что имеют, и объявила себя моей невестой. Невеста так невеста! — я возражать не стал. Скажу больше: если бы Марина согласилась бросить завод и переехать в Верх-Иланск, я бы не задумываясь женился на ней. Но она в «родные пенаты» возвращаться не хотела, и на все лето наши отношения перешли в стадию «письма-встречи».

В сентябре Марина приехала в поселок в отпуск. Поселилась, естественно, у меня. Почти три недели мы прожили как муж и жена. На новой работе меня спрашивали: «Когда свадьба?» Я под разными предлогами уходил от ответа, так как ни о каком бракосочетании речи не было. Марина была против. В ее жизненные планы принятие скоропалительных решений не входило. Позиция Марины была такова: жених и невеста могут жить в разных городах, супруги обязаны быть вместе. Не проговаривая своих мыслей до конца, Марина дала понять, что если я к весне вернусь в город, то она с великой радостью выйдет за меня замуж, а если останусь прозябать